

Эксперты предсказали будущее соцсетей в России

Владимир Путин объявил войну в Интернете – призвал «давить букашек», тех, кто распространяет противоправный контент, публикует детскую порнографию, призывает к суициду, вовлекает несовершеннолетних в незаконные акции. Одновременно и очень громко зазвучали обвинения в адрес контролируемых западными компаниями соцсетей – дескать, подвергают цензуре российские СМИ, продвигают антироссийскую повестку. История с «замедлением Твиттера» показала: власть настроена очень серьезно. И давить будут не только «букашек». Ждет ли нас информационный «железный занавес», или, утрируя, отрубят ли нам Фейсбук? Об этом мы поговорили с экспертами.

Мы сейчас вошли в новый электоральный цикл. Все помнят, что Трамп победил якобы благодаря соцсетям. Благодаря распространяемой в них так называемой таргетированной рекламе – когда человеку показывают рекламный пост с тем

содержанием, которое отвечает его мироощущению. Придумала и провела эту кампанию для Трампа фирма «Кембридж Аналитик». Однако, по мнению большого числа политологов, все не так однозначно. Точного ответа, как конвертируется эта реклама в реальные голоса избирателей, до сих пор нет.

Но, как известно, береженого Бог бережет. У нас на носу выборы в Госдуму, и позиции у партии власти далеко не самые хорошие. Неровен час, западные соцсети действительно повлияют на умы россиян «не в ту сторону»? Что делать? Конечно, регулировать!

Первым под удар попал Твиттер. Как считают интернет-эксперты, такой выбор был сделан властями потому, что компания

маленькая, аудитория в России у нее небольшая – вполне можно потренироваться. И было объявлено о замедлении работы сервиса, поскольку он не удаляет противоправный контент – детскую порнографию и прочие гадости. Поскольку Твиттер «не отозвался» и мгновенно не смог выполнить требования российских властей, Роскомнадзор пригрозил полной блокировкой сервиса через месяц.

***Иван Засурский**, практик, теоретик и идеолог сетевых СМИ, завкафедрой новых медиа и теории коммуникации журфака МГУ, считает пример Твиттера весьма показательным:*

– Не стоит думать, что Твиттер не удаляет детскую порнографию. Очевидно, что есть политизация, когда социальные сети могут находиться в конфликте с некоторыми людьми, в том числе занимающими выборные должности. Но соцсети сами ищут некие общие форматы борьбы с противоправным контентом. Поэтому, на мой взгляд, история с детской порнографией в Твиттере является лицемерной. Дело не в том, что Твиттер не слушается, когда ему говорят удалять, а в том, что в нашей русской системе Твиттер можно классифицировать как агрегатор СМИ. Все агрегаторы у нас сидят под законами, которые запрещают им брать какие-либо новости, кроме тех, которые официально выпущены российскими СМИ. Именно поэтому идет атака на Твиттер, где у меня, например, получается дайджест российских и зарубежных новостей. Поэтому история эта – не про детскую порнографию, не про взаимодействие с соцсетями, а про контроль над информационным пространством. Про поиск очередных инструментов цензуры. И связано это, на мой взгляд, с тем, что система политического управления настолько неэффективна, что не может обойтись без такого инструмента, как цензура. И ей приходится ломать все инструменты обратной связи, чтобы картинка была такой, какой она должна быть в отчетности. Это неправильно и для политического руководства страны, которое не получает реальной картины.

***Дмитрий Мариничев**, интернет-омбудсмен, считает, что государство и дальше будет закручивать гайки в Сети:*

– В России власть имеет жгучее желание начать контролировать смыслы. Сначала контролировалась инфраструктура, затем более виртуальные вещи – хостинги, облака. Сейчас под контроль берется та смысловая нагрузка, которая хранится поверх этой инфраструктуры. Это путь в никуда, поскольку в будущем он приведет к огромнейшим проблемам для государства и власти. Невзирая на то что регулирование сейчас, в локальный момент, даст государству иллюзию, что удастся формировать нужную смысловую нагрузку, бороться с той или иной информацией. Но, например, Твиттер бороться с Роскомнадзором не будет. Это небольшая компания, крайне законопослушная и договороспособная. Если их будут давить, они просто закончат свою историю на территории РФ и смирятся с этим.

Будет ли дальше усиливаться регуляторика? Без сомнения – да. Будет происходить давление на соцсети, на других участников рынка. Будет вводиться форма коллективной ответственности. Это бич последних лет шести в Интернете, когда одни отвечают за других. Если взять тот же Твиттер, то это действительно агрегатор. Сам по себе Твиттер ничего не хранит. Чаще всего он хранит ссылочную массу на другие источники, которые уже хранят противоправную информацию. Однако давление происходит на третье лицо, в данном случае Твиттер.

Консервируя в информационном и смысловом плане общество, мы придем к тем ошибкам, которые уже были совершены. В Советском Союзе общество оказалось не готово, когда началась информационная свобода. Только мы на эту ошибку наткнемся гораздо быстрее – на это не понадобятся годы. Это серьезнейшая проблема, о которой почему-то не говорят.

Антон Меркуров, интернет-эксперт, эксперт по новым медиа, считает, что попытки оградить людей от «неправильной» с точки зрения власти информации обречены на провал. Государство проигрывает:

– Если брать политическую часть, то видно, что ужесточаются запреты. Это касается не только всяческих разгонов собраний, но и Интернета в том числе. Выходят новые законы, закупается

новое оборудование для блокировок, появляется много новых уголовных статей. Очевидно, что политический строй таким образом пытается удержаться. И эта политическая часть играет большую роль.

Что касается технологической части. У меня Интернет как работал, так и работает. Все сайты открываются. Попытка заблокировать Телеграм была позором. Все попытки блокировок – это просто смешно. Тратятся деньги, закупается ненужное оборудование, идут попытки «бомбить Воронеж» – замедлять Твиттер, но все работает. Технологии все равно побеждают. И все попытки ограничить распространение информации, оказать давление на тех, кто ее распространяет, по моему убеждению, провалятся.

* * *

Из того, что говорят эксперты, получается очень простой вывод: под видом борьбы с противоправным контентом (безусловно, необходимой) постепенно возводится «железный занавес» на пути любой, отличной от официальной, информации. Известный политолог **Автандил Цуладзе**, кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики факультета журналистики Института массмедиа и рекламы РГГУ, считает, что давление на Интернет происходит не только в технологической плоскости и не только прямыми запретами. В качестве примера он привел новое законодательство о просветительской деятельности:

– Это попытка «рулить» Интернетом с «черного хода». Отключение соцсетей – технически сложная задача. Попытки замедлить работу Твиттера, история с блокировками Телеграма доказывают, что гладко только на бумаге. В ходе «торможения» Твиттера под раздачу попали даже государственные интернет-ресурсы. Война с новыми технологиями ударит не только по соцсетям, но по всему Рунету, может нанести стране большой экономический ущерб.

Осознавая технические сложности, чиновники пытаются подступиться к Интернету с другой стороны. Попытки лицензировать широко трактуемую «просветительскую деятельность» в Интернете фактически означают контроль не Интернета, а самих пользователей по принципу «в Интернете разрешено только то, что лицензировано государством». Даже для такого чрезмерного по численности госаппарата, как российский, это непосильная задача. Бюрократия «аналоговой эпохи» проигрывает цифровому миру по той простой причине, что новые технологии неизбежно побеждают старые.

– Ну хорошо. Очевиден безотчетный страх властей перед влиянием соцсетей на электорат. Но будет ли использоваться та же таргетированная реклама у нас?

– Дело в том, что передовые политические технологии приходят к нам, как правило, из Соединенных Штатов. Потом Россия и Европа эти технологии как-то копируют, адаптируют к своим реалиям. То, что отработывается в США, придет и к нам. Причем к нам, наверное, даже пораньше. Поскольку Европа более консервативна, у них больше и законодательных, и этических ограничений. А у нас довольно оперативно подхватывают эти технологии. В России они будут применяться, я в этом не сомневаюсь

– Действительно ли соцсети, контролируемые западными компаниями, могут представлять угрозу государству, и как этому противостоять?

– Здесь некоторый опыт уже накоплен. Впервые сильно качнуло от активности соцсетей во время «арабской весны». Тогда государства оказались не готовы к тому, что через соцсети можно будет поднять такую мощную протестную волну в масштабах арабского мира. Попытки отключать, запрещать – они ни к чему не привели. Наоборот, только дальше эту волну погнало, и в конечном счете все завершилось рядом революций. С тех пор государство (я имею в виду государство в общем смысле, в разных странах, конечно, по-разному)

научилось более тонко реагировать на эти вызовы. Научились работать сами в цифровом пространстве – создавать свои ресурсы, свои группы и т.д. Государство обладает очевидными преимуществами. Наполеон говорил, что тысяча организованных французских солдат может победить десять тысяч отважных неорганизованных мамелюков. Организованная сила всегда побеждает неорганизованную силу, какими бы отважными ни были эти люди каждый по отдельности. У государства в организационном плане имеется большой ресурс. И в России это происходит – государство использует свои ресурсы, чтобы продвигать свою повестку в Интернете.

– Пока мы видим в основном предписания Роскомнадзора и слышим о цензуре в отношении наших СМИ.

– Тактика действовать предписаниями – это как раз устаревшие приемы, которые в этой среде не срабатывают. Потому что на данный исторический момент, уж не знаю, как будет в будущем, Интернет остается глобальной свободной площадкой, и любые предписания обходятся разными способами. Мы наблюдаем остатки старых методов борьбы. Инструментами аналогового мира пытаются бороться с миром цифровым. Так, например, бывший президент Египта Хосни Мубарак пытался бороться отключениями и запретами, и ничего из этого не получилось. А вот создание своего контента, расширение работы в этом направлении – это перспективно. Тот же Фейсбук предоставляет всего лишь площадку. Ну, где-то кого-то они могут забанить. Но полицейские методы на такой глобальной площадке неэффективны. Поэтому США как страна, предоставляющая доступ к соцсетям, не имеет серьезного рычага воздействия на российскую ситуацию. У нас не Египет 2011 года, у нас государство лучше подготовлено, российские политтехнологи хорошо изучили эту тематику, научились работать.

– Как-то кондово пока получается у государства и наших политтехнологов...

– Тут важен язык общения. Если посмотреть на тех, кто имеет большую аудиторию на телеканалах, то аудитории в Интернете у них не очень впечатляющие. У некоторых школьников больше. Почему? Потому что в Интернете другой язык, там другой состав аудитории. В Интернете аудитория более молодая, социально активная, «продвинутая», как принято говорить. Поэтому для общения с этой аудиторией надо осваивать новый язык, новые форматы коммуникации. Почему фильм «про дворец» набрал такую популярность? Потому что была использована адекватная для аудитории Ютьюба стилистика, визуальная подача материала. Там же не было почти ни одного нового факта. Но стилистика очень точно соответствовала интернет-среде. Нужно учитывать, что в наше время форма часто бывает важнее содержания.

– То есть нужно не запрещать, а создавать что-то в противовес?

– Не просто в противовес. Государство сейчас в противовес предлагает просто охранительную повестку. Что выглядит архаизмом. Нужно предлагать конкретику, а не просто что-то типа «нарисуй образ будущего». Политика – очень конкретная вещь, которая в конечном счете сводится к распределению материальных ресурсов и возможностей. Какие выгоды гражданин приобретает от реализации той или иной политической повестки? Это основной вопрос. Нужно создавать повестку ближайшего будущего, совершенно осязаемую и конкретную. Этого на самом деле сейчас нет. Есть какие-то точечные меры – поднимем на 100 рублей пенсию, закупим там что-то... Очень много абсурда у нас происходит в реактивном режиме. Но у людей, а особенно у молодежи, которая ни 90-х не знает, ни Советского Союза, в результате нет картины: а как они будут себя реализовывать?

– Вы сказали про охранительную повестку. Проще всего отключить тот же Фейсбук.

– Отключение Фейсбука – это была бы самая большая глупость,

которая очень дорого обойдется. В Фейсбуке представлена более возрастная и статусная аудитория, чем, скажем, в ТикТоке или Инстаграме. Молодежь более мобильна, а для взрослой аудитории ФБ – это ставшая привычной площадка для общения, самовыражения, поиска полезных контактов и т.д. Если у них это отнять – это будет покушение на их права не в абстрактном, а в самом конкретном смысле. Посягательства на сформировавшийся образ жизни воспринимаются людьми крайне болезненно. Власть наживет себе такое количество врагов, которое ей даже не снилось. И массовые возмущения, нет сомнений, начнутся. Так что это крайне вредная идея.

* * *

Вредная идея заблокировать Фейсбук, однако, обретает в последние дни все более реальные очертания.

Замглавы Роскомнадзора **Вадим Субботин** заявил 17 марта, что ведомство не исключает замедления работы других соцсетей и сайтов, в том числе Фейсбука, Instagram, YouTube, если они не будут удалять запрещенный в РФ контент. А понятие это расширяется. Роскомнадзор добавил к запрещенному контенту, который Твиттер обязан удалить, еще и аккаунт «МБХ медиа»: якобы там размещены материалы «Открытой России», которую Генпрокуратура признала «нежелательной организацией».

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, bold font. The 'M' and 'K' are blue, while the 'R' and 'U' are red. The letters are slightly shadowed, giving them a 3D appearance.

Дмитрий Попов